

Мужчина в небесно-голубом халате лежал на диване. Рукава были закатаны, обнажая тонкие запястья. Он держал сигарету, выпуская клубы сероватого дыма, и лишь затем небрежно поднес трубку к губам, произнеся несколько слов. Его английский был мягким и нежным, как вата, обвалившаяся в сахаре, каждый звук словно ласково скользил по сердцу, оставляя сладкое послевкусие.

Домашняя няня подала ему чай и тут же поспешила в ванную. Хозяин только что принял душ, сняв одежду, испачканную в грязи. Вся ванна была залита желтой водой. Когда он вернулся домой, няня едва узнала его в таком беспорядке. Подняв одежду, похожую на грязевую жижу, она решила замочить ее, и из кармана выпал какой-то предмет, покотившийся по полу.

Няня промыла его и увидела, что это была коробочка с румянами — зеленая крышка, розовая коробочка и изображение женщины с кокетливым взглядом.

Она знала, что ее хозяин — ловелас, хотя никогда не видела, чтобы к нему приходили женщины. Но звонки, цветы в петлице пиджака, ожерелья, гребни и душистые платки — всё это говорило само за себя. У каждой вещи был свой аромат.

Хозяин всегда приносил домой эти вещи и либо выбрасывал их, либо дарил няне. Конечно, она не брала их — кто знает, откуда они. Хозяин вел разгульную жизнь, вращаясь в женском обществе. И серьезные, и не очень — он все перепробовал. Конечно, это были лишь догадки няни. Однажды он принес домой пару черных чулок.

Чулки были тонкими, с небольшими зацепками. По краю шла кружевная отделка с мелкими застежками. Няня, которая раньше служила у одной из наложниц, знала, что это нечто изысканное. Та дама всегда красилась, надевала ципао с разрезом до бедра и аккуратно натягивала чулки, красные ногти блестели внутри, а кружевные застежки на бедрах добавляли шарма.

Няня, держа в руках эти чулки неизвестного происхождения, привычно убрала их в шкаф. Там лежали различные женские вещи. Приготовив вино и закуски, она взглянула на погоду за окном. Уже стемнело, и ей пора было уходить.

А ее хозяин в гостиной говорил быстро, его голос, даже когда он сердился, звучал приятно.

Он был красив — полукровка, с серо-голубыми глазами и черными кудрями. Его улыбка была сладкой, а зарубежные стихи слетали с его губ с легкостью. Няня прошла через зал, поставила вино на стол и увидела, что хозяин уже повесил трубку, сидя на диване и закрывая лицо руками. Его длинная шея блестела, кожа была гладкой и белой, а под напряженной кожей на затылке угадывались мелкие кости.

Он бормотал что-то по-немецки, и вдруг из-под пальцев вырвалось:

— Няня, я пропал, я окончательно пропал.

Няня собрала оставшиеся на столе тарелки, и серебряные приборы звякнули о фарфор с узорами. Хозяин опустил руки и погрузился в диван, перевернувшись на спину. Воротник халата сполз, обнажив белую кожу, а на плечах виднелись царапины, оставленные женщинами.

Его меланхоличные глаза смотрели на телефон, а руки теребили бахрому на покрывале. Няня услышала, как он произнес, словно декламируя стихи:

— Я переспал с женщиной генерал-майора Юна.

Няня, мало что понимая, опустила глаза, не зная, что ответить. Хозяин поднял веки, взглянул на нее и вздохнул:

— Отец генерал-майора Юна — генерал-губернатор Юн.

Тут няня поняла, что ее хозяин ввязался в серьезную историю, очень серьезную.

Генерал-губернатор Юн был самым высокопоставленным чиновником в этих краях. Няня читала газеты и слышала разговоры, так что кое-что знала. Хозяин привык к разгульной жизни, и раньше у него бывали неприятности. Но каждый раз ему удавалось выкрутиться. Бахрома на покрывале уже не раз страдала от его отчаяния, и няня к этому привыкла.

Перед уходом хозяин встал и поцеловал няню в щеку на прощание. Казалось, он от природы умел обращаться с женщинами, и няня, несмотря на то что он был намного моложе, испытывала к нему материнскую нежность.

После того как няня ушла, хозяин взял бокал вина и включил музыку. Босиком он танцевал на мягком ковре. Его звали Чжоу Цзюнь, английское имя — Стисон Чжоу. У него было и немецкое имя, но он редко его использовал. Хозяин не любил, когда его называли по фамилии, близкие подруги звали его Цзюнь, Стисон или господин Чжоу.

Чжоу Цзюнь отхлебнул вина, закусил и почувствовал сладость, как от поцелуя женщины. Впервые они встретились на приеме. Ширли Чэнь сначала не появилась в танцевальном зале. Чжоу Цзюнь пришел с подарком на вечеринку, организованную политическим советником посольства Линь Шэном. Поговорив с Линь Шэном о текущих событиях, он заскучал и, найдя предлог, начал бродить по залу. Заметив симпатичных женщин, он поднимал бокал в знак приветствия.

Он потанцевал с несколькими дамами, шепча им комплименты. Чжоу Цзюнь улыбался, сжимая в руке что-то мягкое, и готов был что-то сказать, как вдруг, подняв глаза, он был поражен.

Итальянская люстра с множеством хрустальных подвесок создавала волшебное освещение. На ковре из роз стояла женщина в красном платье, накинув на плечи белое кружевное манто. Ее взгляд, словно волна, скользнул по Чжоу Цзюню, и его сердце забило чаще. Женщина повернулась и ушла, и он, конечно, последовал за ней.

Под ногами было мягко, как будто он был пьян. Обойдя длинный стол, он взял розу и сунул ее в карман. Это был открытый балкон, шум вечеринки доносился через приоткрытую дверь. Лунный свет, как вуаль, окутал женщину. Она держала тонкую дамскую сигарету и, словно ожидая его, обернулась.

Чжоу Цзюнь подошел и зажег ей сигарету. Красные ногти сочетались с красными губами. Эта женщина любила красный цвет, но была белой, как гибискус, и источала тонкий аромат. В тот вечер он пригласил ее на танец и узнал ее имя — Ширли Чэнь.

Ширли Чэнь была не в настроении, что не подобало такой красавице. Чжоу Цзюнь, чуткий и проникательный, предположил, что какой-то мужчина ранил ее сердце, и это было непростительно. Ее тонкая талия извивалась в его руках, и, когда они приблизились, он губами снял с нее сережку.

Это была маленькая круглая нефритовая сережка, которая незаметно оказалась в его руке.

Полураспустившуюся розу он вставил ей в волосы и сказал:

— Не грусти, этот цветок тебе к лицу.

Той же ночью Ширли Чэнь, потеряв одну серьгу, пришла к нему за ней. Он отвез пьяную красавицу домой. Заботливый господин Чжоу, полуобнимая ее, довел до мягкой шелковой кровати. Это была прекрасная ночь, когда нежная и теплая, как цветок, орошенный росой, она медленно расцветала в его объятиях.

Но сон не продлился до утра. Ширли Чэнь разбудила его, но вместо утреннего поцелуя сунула ему в руки одежду и вытолкала к окну. Он перелез через подоконник и спрятался за белыми французскими шторами. Они были слегка приоткрыты, оставляя узкую щель.

Чжоу Цзюнь, выглядывая наружу, увидел мужчину в военной форме. Белые перчатки держали фуражку, а на груди была холодная брошь в виде льва. Лицо было неразличимо, но фигура была внушительной. Мужчина сел, вытянув длинные ноги, на сапогах блестели цепочки, кожа была начищена до блеска.

Ширли Чэнь окликнула его:

— А Цзинь.

И Чжоу Цзюнь увидел, как талия, которую он держал всю ночь, дрожала и подрагивала, с женской застенчивостью приближаясь к мужчине. Чжоу Цзюнь закрыл глаза, чувствуя легкий дискомфорт.

В следующее мгновение произошло неожиданное. Пуля пробила стекло и разбила окно. С криком женщины Чжоу Цзюнь упал в грязь. Ему повезло — это был отдельный особняк, и после дождя трава была мягкой. Прыжок со второго этажа не причинил ему вреда, кроме грязи на одежде.

Пуля пролетела рядом с его щекой, едва не задев его. От страха сердце бешено колотилось. Он поднялся с земли и взглянул вверх. Окно было открыто, и ветер раскачивал шторы вокруг того человека.

<http://bllate.org/book/16825/1547214>